

— Отведите нас в палату Ван Цин.

— Хорошо, пошли.

Это была крупная больница, и расстояние между онкологическим и кардиохирургическим отделениями казалось бесконечным. Лу Юань никогда не замечал, что больничные коридоры могут быть такими длинными, словно конца им не будет.

Если бы только этот конец исчез, если бы он просто перестал существовать.

Но, к сожалению, приходится сталкиваться с реальностью.

— Мы на месте, — Ли Цун привел их к палате, но не стал открывать дверь и не ушел, оставаясь в стороне, чтобы посмотреть на разворачивающиеся события.

Лу Юань уже чувствовал себя униженным до предела, но все еще хотел сохранить последние крупинцы достоинства. Он повернулся к двум высоким мужчинам:

— Можете ли вы на минуту отойти?

Лу Цзе, не говоря ни слова, схватил Ли Цуна и увел его к аварийному выходу.

Лу Юань стоял перед палатой, глядя через окно. Чэн Юйсинь играла с маленькой девочкой на кровати, держа в руках новую куклу Барби. Ее взгляд был таким мягким, спокойным и полным любви.

Чтоб тебя!

Почему у других после перерождения жизнь идет в гору, а у него все идет наперекосяк? Он хотел просто жить своей жизнью, но его снова и снова обманывали! В прошлой жизни он дожил до тридцати лет, и ничего подобного с ним не случилось!

Его женщина изменяла ему, черт побери!

Лу Юань становился все злее и злее, и в конце концов пнул дверь палаты.

— Чэн Юйсинь!

Обе женщины внутри вздрогнули от неожиданности, а Ван Цин даже заплакала, стараясь не шуметь, лишь тихо всхлипывая.

Это немного вернуло Лу Юаню рассудок.

— Чэн Юйсинь, выйди на минутку.

Чэн Юйсинь посмотрела на него, словно догадываясь о чем-то, и улыбнулась, но ее улыбка была напряженной.

— Подожди немного, я успокою Цинцин.

Если бы Лу Юаню было двадцать три года, он бы, услышав эти слова, взорвался от злости.

Но в свои тридцать он был уже другим человеком.

С мрачным лицом он вышел из палаты.

Через некоторое время Чэн Юйсинь вышла.

— Пойдем поговорим снаружи, здесь слишком много людей...

Как бы ни складывались обстоятельства, Чэн Юйсинь всегда оставалась тактичной.

Лу Юаню тоже нужна была эта тактичность; он больше не мог позволить себе унижений.

Он последовал за Чэн Юйсинь в уединенный уголок больничного сада, где его эмоции немного успокоились.

— Я не хочу тратить время на пустые разговоры. Просто скажи мне, что за история с Ван Сюэ. Не ври, говори правду.

Чэн Юйсинь наконец перестала улыбаться, и уголки ее губ опустились, выражая горечь.

— Я думала, что смогу скрыть это до окончания операции Цинцин. Я хотела рассказать тебе все после операции.

— Ты рассталась со мной и сразу же поцеловалась с женщиной! И это ты называешь скрытием?

— Лу Юань снова взорвался от злости. За две свои жизни он никогда не был так взбешен.

— Я... Я знаю, что виновата перед тобой, Сяо Юань. Я действительно тебя люблю, правда. С Ван Сюэ у меня просто чувство вины... — Чэн Юйсинь начала путаться в словах. — Это я привезла ее в город R, из-за чего она попала в неприятности, вышла замуж за плохого человека, и теперь ее жизнь разрушена...

Лу Юань резко прервал ее, его обычно ясные глаза теперь пылали яростью.

— Не носи чушь! Ты просто хочешь, чтобы я вылечил Цинцин! Ты считаешь меня идиотом? Сколько раз ты собираешься меня обманывать?

Чэн Юйсинь замерла, и слезы, словно жемчужины, покатались по ее щекам.

— Я не обманываю тебя. Признаю, что сначала я была с тобой только ради лечения Цинцин. Но за это время я видела все, что ты для меня делал. Как я могла не влюбиться? Я действительно полюбила тебя! Лу Юань, пожалуйста, вылечи Цинцин, и я смогу избавиться от этого чувства вины. Давай забудем все плохое и начнем с чистого листа! Я знаю, что ты меня любишь, и твой дедушка тоже меня любит! Давай начнем заново!

Лу Юань никогда, никогда не бил женщин, но сейчас он действительно хотел дать Чэн Юйсинь пощечину.

— Ты думаешь, кто ты такая? Я, черт возьми, могу найти любую женщину! Мой дедушка любит тебя? Только потому, что ты сказала ему, что я переспал с тобой! Иначе он бы никогда не согласился на наши отношения!

Эта грязная история, словно старое бабушкино белье, превратилась в настоящую мелодраму. Лу Юань больше не хотел терпеть это.

— С этого момента давай будем чужими.

— Лу Юань, пожалуйста, дай мне шанс! — Чэн Юйсинь бросилась обнимать его, как в тот вечер в баре.

— Да, я чуть не забыл, твой день рождения был не в тот день! — Лу Юань оттолкнул ее, его руки дрожали. — Ты, ты просто вызываешь у меня отвращение!

Чэн Юйсинь полностью потеряла свое достоинство и элегантность. Она упала на землю, схватившись за штанину Лу Юаня, и продолжала звать его имя, смешивая слезы и сопли.

— Лу Юань, Лу Юань...

Увидев ее в таком состоянии, Лу Юань внезапно перестал злиться.

Он присел на корточки, мягко поднял Чэн Юйсинь и вытер ее слезы рукавом. Глядя на ее полные надежды глаза, он медленно произнес:

— Я помогу тебе вылечить Цинцин.

— Ты... ты прости меня... — Чэн Юйсинь заплакала еще сильнее. — Я знаю, что была неправа, я больше никогда...

Лу Юань снова прервал ее.

— Преподаватель Чэн, «больше» не будет. Думаю, ты еще не до конца поняла, но после того, как моя семья узнает об этом, ты потеряешь работу и больше не сможешь остаться в городе R. Возвращаться в страну... даже это будет сложно. Тебе будет тяжело жить. Я советую тебе уехать в другую страну... В общем, держись от меня подальше.

Надежда, смешанная с отчаянием, отразилась на лице Чэн Юйсинь.

Лу Юань почувствовал облегчение. Он не мог позволить себе быть единственным, кто страдает.

— Сейчас же иди собирай вещи. У меня дела, я ухожу.

Чэн Юйсинь застыла на месте, словно не сразу осознала слова Лу Юаня.

...

— Сяо Юань.

Только войдя в здание больницы, Лу Юань столкнулся с торопливо идущим Лу Цзе. Он всхлипнул и бросился в объятия брата.

— Брат...

Впервые за всю жизнь Лу Юань заплакал в его объятиях, и Лу Цзе был в растерянности.

— Все в порядке, я помогу тебе отомстить.

— Мсть не важна! Только никому не говори об этом! Это так позорно!

— Ладно, ладно, я никому не скажу. Не расстраивайся.

Ли Цун, стоявший рядом, презрительно фыркнул.

Детский сад.

— Ли Цун, я отведу его домой, а ребенок пусть остается на твоём попечении.

Лу Юань внезапно высунул голову из-за плеча Лу Цзе, его глаза были полны слез.

— Эээ, ребенка все же лечи, ей правда жалко.

— ... Я что, ваш личный врач?

Лу Юань снова начал хныкать.

— Брат...

Лу Цзе похлопал его по спине.

— Лечи, лечи, Ли Цун, ребенок действительно ни в чем не виноват, сделай это как доброе дело.

— Ладно...

Лу Юань внезапно перестал плакать и хриплым, еще дрожащим голосом произнес:

— Спасибо тебе, доктор Ли...

После того как он увидел искаженное отчаянием лицо Чэн Юйсинь, даже лицо Ли Цуна стало казаться ему приятным.

Действия Чэн Юйсинь действительно ранили нежную и хрупкую душу Лу Юаня.

Это было хуже, чем просто сердечная боль.

Это было как если бы школьный хулиган, уверенно шагая перед толпой девушек, вдруг споткнулся о камень, упал лицом в грязь и потерял передний зуб. Даже спустя годы, покинув школу и поставив новый зуб, он все равно вспоминал бы этот момент с ужасом...

— Ааааа!

Лу Цзе взглянул на своего взбешенного брата и тяжело вздохнул.

— Мы почти дома. Если не хочешь, чтобы твой позор стал известен всей стране, возьми себя в руки.

Лу Юань опустил голову, схватившись за волосы, выглядел полностью разбитым.

— Это так глупо, просто невероятно глупо!

— Не... — Лу Цзе хотел сказать, что не слушая советов старших, Лу Юань сам нарывается на неприятности, но вместо этого произнес:

— На ошибках учатся.

Лу Юань печально поднял голову.

— Брат, твой китайский просто блестящий.

— Революция еще не завершена, товарищ, нужно продолжать бороться.

— ...

Лу Юань ушел из дома с радостным настроением, но вернулся угрюмым, что заставило Лу Синну следовать за ним и допытываться:

— Сяо Юань, что случилось? Кто тебя обидел?

— Никто не обижал меня, я просто устал.

<http://bllate.org/book/16406/1486168>